

А. Я. СЫРКИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ЭПОСА

1. ДИГЕНИС И ИМПЕРАТОР

Интереснейшим историческим свидетельством поэмы о Дигенисе Акрите является упоминание в ней имен византийских императоров — современников Дигениса. Говоря о ссылке деда Дигениса Антакина, Гротта-Ферратская версия поэмы (ГФ) IV, 55—56 сообщает, что тот был сослан по приказу императора Василия: βασιλέως Βασιλείου τοῦ εὐτυχοῦς, ἀκρίτου τοῦ μεγάλου. Трапезундская версия (Т) 836 и Андросская (А) 1369 называют императора Романом: Ῥωμανοῦ τοῦ πανευτυχοῦς [ср. Андросская прозаическая версия (А₁) 342] ¹. Эти два варианта последовательно прослеживаются, с одной стороны, в ГФ, с другой — в Т, А, А₁, и в Оксфордской версии (О) [в Эскуриальской версии (Э) император не упоминается]. В сцене встречи Дигениса с императором ГФ (IV, 971—1089) снова называет царя: Βασίλειος ὁ εὐτυχῆς καὶ μέγας τροπαιοῦχος, ὁ καὶ συνδάφας μεθ' αὐτοῦ τὴν βασιλείον δόξαν (973—974). Оказавшись во время своего похода «на персов» ² в тех местах, где жил герой, император изъявил желание встретиться с ним. После обмена посланиями они встречаются у Евфрата. Дигенис почтительно принимает гостя, хотя с явной недоверчивостью относится к его воинам (997—1000). Он призывает императора быть милостивым и справедливым с подданными и обещает освободить его от дани Иконию (1043 — очевидный след поздней редакции). В ответ Василий возвращает юноше все имения его сосланного деда и разрешает ему править на границах; он обещает скрепить это хрисовулом и дарит Дигенису царские одежды. Затем на глазах царя герой укрощает дикого коня, убивает льва и подносит царю мертвого зверя. После этого они прощаются, и царь возвращается к войску, а Дигенис — к супруге.

В соответствующем эпизоде Т (1476—1546), А (2342—2422), А₁ (363—365) и О (2153—2182) император снова назван Романом (Т 1476, А 2343 и др.; ср. соответствующее упоминание в начале пятых книг этих версий — Т 1098, А 1663, где царь назван λαμπρὸν Ῥωμανόν). Здесь Роман — великий царь, ὁ πανευτυχῆς καὶ ἀριστος τροπαιοῦχος (Т 1477); ὁ πλούσιος καὶ νικητῆς ὁ μέγας (А 2343). Император оказывается в Каппадокии — он совершает поход κατὰ τοὺς Μαγουλίους (Т 1481—1482 — монголов?) — также позднее напластование ³. Как и в ГФ, он обменивается письмами с Дигенисом,

¹ Указаны страницы по изданию Д. Пасхалиса (Λ, IX, 1928, σελ. 305—440).

² О вероятном употреблении здесь Πέρσαι в значении арабского войска в целом см. А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1961, стр. 149.

³ Ср. S. Kyriakides. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 5.

который приглашает его к Евфрату. И здесь император предлагает герою дать ему, что угодно ἐξ ἐμῆς βασιλείας (Т 1518), а тот отвечает ему нравованием; герой не говорит здесь о дани Иконию, а обещает лишь обратить в рабство врагов императора. Слыша это, тот предлагает Дигенису владеть всей Романией и разгуливать по всей стране со своими спутниками, встречая везде почет (Т 1541 сл., А 2407 сл.). Он обещает вернуть ему в двойном размере конфискованные владения деда и сулит другие дары. Вслед за этим они расстаются — царь отправляется на войну στὰ μέρη Ἀχαΐας. . . καὶ νικητῆς ἐφάνη (А 2419—2420; в Т здесь лакуна), а Дигенис возвращается на границы. Победа императора в Ахайе — возможный намек на битву при Пелагонии в 1259 г.; в таком случае это — еще одно свидетельство редактирования А во второй половине XIII в.⁴

В ГФ император больше не упоминается. А 3857—3858 сообщает еще о податях, которые Дигенис собирал с язычников (τὰ ἔθνη — в поэме так часто называются арабы) для императора τῷ Ῥωμανῷ τῷ μέγα τροπαιοῦχῳ. Наконец, Т 3106—3110 и А 4343—4347 говорят в конце IX книги (незадолго до рассказа о смерти героя), что, узнав о подвигах Дигениса, император Никифор, ὁ λαμπρὸς, ὁ μέγας τροπαιοῦχος, ὁ τῶν Ῥωμαίων τὴν ἀρχὴν καλλίστως διοικήσας, стал посылать ему день за днем богатые подарки.

Оригинальную трактовку сцены с императором содержит Тихонравовская редакция (Тих) «Девгениева деяния» (стр. 145—148 изд. Сперанского⁵; в других редакциях повести эпизод этот отсутствует). Здесь говорится о царе Василии, который «всю страну Каппадокейскую стерегль». Слухи о храбрости Девгения привели его в ярость, и, желая «добыти» Девгения, он послал ему грамоту «с ласканием». Содержание писем, которыми они обмениваются, примерно соответствует греческому тексту. Предложение Дигениса придти к нему на Евфрат приводит царя еще в больший гнев, и он посылает к герою посла, который получает тот же самый ответ. Тогда царь с большим войском подходит к Евфрату. На следующее утро Девгений «поидресь копиємъ и скочи чрезъ рекѡ». Он побеждает войско царя, около принадлежащего царю города нагоняет бегущего Василия и захватывает его, а затем «вниде во градъ и начать царствовати»⁶.

Постараемся дать наиболее вероятные для приведенных отрывков уточнения — прежде всего идентифицировать упоминающихся здесь императоров. Следует иметь при этом в виду, что такая попытка неизбежно носит гипотетический характер — ознакомление с поэмой показывает, как тесно переплетаются в образах отдельных персонажей «Дигениса Акриты» история и вымысел. Уже при беглом ознакомлении с приведенными здесь сценами видно, что места эти, быть может, в большей мере, чем какие-либо другие эпизоды поэмы, подвергались осовремениванию — мы находим здесь в разных версиях намеки на самые разновременные события — от IX до XIII веков.

Ясно, что перед нами здесь две различные редакции, и каждая из них вполне последовательна в выборе имен⁷. Под Василием могут подразу-

⁴ S. Kyriakides. Op. cit., S. 5—6.

⁵ М. Сперанский. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. «Сборник ОРЯС Росс. АН». т. ХСІХ, № 7, Пг., 1922.

⁶ Детальный анализ этой сцены содержится в подготовленной к печати монографии В. Д. Кузьминой «Деяние прежних времен и храбрых человек (Девгениево деяние)».

⁷ Дж. Маврогордато (J. Mavrogordato. «Digenes Akrites». Oxford., 1956, p. XLIII) совершенно неосновательно допускает, что имя Василий в ГФ IV, 973 — результат ошибки или непонимания переписчика, назвавшего так императора под влиянием Т 1476 сл. и А 2342 сл., где после упоминания об императоре Романе, говорится

меваться или основатель Македонской династии Василий I (867—886), или Василий II Болгаробойца (976—1025). К ним обоим вполне применимы эпитеты, которыми наделяет их *ГФ*, точно так же как не подходят ни к одному из них такие, например, более поздние реминисценции, как упоминание о дани Иконию, или о «персах» (если видеть здесь вместе с С. Кириакидисом⁸ турок). Предположение о том, что здесь могут подразумеваться сразу два Василия, из которых первый изгнал деда, а второй чествовал внука⁹, совершенно излишне. Разумеется, эпическое творчество вполне может допустить такой прием, но вряд ли есть необходимость исходить из этой предполагаемой вольности в ущерб правдоподобию изложения. В самом деле, между ссылкой деда Дигениса, случившейся, по всей вероятности, несколько раньше похищения его дочери эмиром (ср. А 285 сл.), и визитом императора к Дигенису, которому, согласно *ГФ* V, 24, было тогда, по-видимому, не больше 14, а согласно *Т* 1610 и *А* 2497, — 18 лет, должно было пройти примерно около двадцати лет. Срок этот укладывается не только в полувековое царствование Василия II, но и в 20-летнее Василия I — так или иначе в последнем случае натяжка гораздо меньше, чем при 90-летнем интервале между двумя Василиями.

Какой из них имеется в виду, поэма не говорит, и исследователи в этом вопросе расходятся. Ряд исторических лиц сопоставлявшихся с отдельными персонажами поэмы — Хрисохир, Карвеас, Омар, Муселе, Судалис, Андроник Дука¹⁰ — заставляет вспомнить, скорее, время Василия I — современников Василия II мы среди таких лиц не найдем. Отмечались уже некоторые биографические параллели между Дигенисом и Василием I (эпизод с укрощением дикого коня, охота)¹¹. В характеристике эмира

о Дигенисе: Βασίλειος δ' ὁ θαυμαστός ἔτυχεν εἰς τὰς ἄκρας (*Т* 1483, ср. *А* 2349) — «a careless copyist might easily suppose that it referred to the emperor». Заметим, однако, что *Т* и *А* называют Дигениса Василием и несколькими строками выше — сразу же после упоминания о Романе (*Т* 1477—1478, *А* 2343—2344), а это делает ошибку (или тем более непонимание) совершенно неправдоподобной. При этом *ГФ* ничуть не реже других версий называет Дигениса Василием — и до встречи его с императором (II, 48; IV, 49, 66, 75, 109, 323), и после этой встречи (IV, 1088; VI, 190; VII, 1; VIII, 220, 302). Совершенно непонятно, почему Маврогордато пишет, что, согласно *ГФ*, Digenes Akrites was only called Basil after the Emperor Basil's visitation (*ibidem*). Ведь стихи *ГФ* IV, 1088—1089, которые он здесь имеет в виду, объясняют (и не первый раз — ср. IV, 53) употребление имени Акрит, а не Василий. Весьма сомнительна, наконец, возможность того, что *ГФ* следует в данном месте *Т* и *А*. Существенное отличие *ГФ* IV, 971—977 от *Т* 1476—1485 и *А* 2342—2351 говорит скорее о самостоятельном характере этих стихов, а Μαγούλοι в *Т* 1482, *А* 2348 — по своему *terminus post quem* — наверняка позже соответствующих Περσῶν в *ГФ* IV, 975. Мы не говорим уже о том, что Маврогордато вступает здесь в противоречие со своей же собственной гипотезой о замене в более поздней редакции поэмы Василия II Романом Лакапином (*ibid.*, р. LXXXIII). Предположение Маврогордато, естественно, затрудняет объяснение имени «Василий» в *Тиз*, и он (*ibidem*) прибегает к новой натяжке, предлагая видеть здесь результат ошибки: русский переводчик принял будто бы βασιλεύς... Ῥωμανός за «Василий... ромеец». Но, во-первых, в русском тексте здесь вообще ничего не сказано о «ромейце», и предполагать соответствующее упоминание в неизвестном нам архетипе повести у нас нет никаких оснований. Далее, хотя *Тиз* и следует здесь ближе всего к *Т* (в сравнении с другими версиями поэмы), но все же отнюдь не настолько близко, чтобы в известном нам тексте этой версии можно было видеть оригинал древнерусского перевода. Наконец, даже и этот текст вряд ли мог ввести переводчика в заблуждение: император здесь совершенно ясно назван сначала ромеем, а потом Романом: βασιλεύς ὁ μέγας τῶν Ῥωμαίων, Ῥωμανός ὁ πανευτυχής (*Т* 1476—1477, ср. *А* 2342—4343). Эти предположения Маврогордато представляют самое слабое звено в его заслуживающей внимания аргументации против павликианской теории Грегуара.

⁸ S. Kyriakides. *Op. cit.*, S. 7.

⁹ G. Wartenberg. Die Kaisernamen in Digenisepos. BNJ, XI, 1935, S. 58—59.

¹⁰ А. Я. Сыркин. Об историчности... стр. 132 сл., 140 сл.

¹¹ Там же, стр. 130. Ср. H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Akritas. Byz., VI, 1931, p. 491.

(ГФ, IV, 27 сл.) повторен прием, примененный Генесием в 40-х годах X в. в отношении Василия I — то же сравнение с древнегреческими героями, которых затмили император и эмир. Наконец, середина X в., в наибольшей мере отразившаяся в поэме, — это время прославления и возвеличивания основателя Македонской династии; свидетельством тому является биография Василия, вошедшая пятой книгой в труд Продолжателя Феофана. Последний, так же как и Генесий, использовал, по-видимому, общие с поэмой источники¹². Вероятно, этому культу обязан герой поэмы своим именем¹³. Жену Дигениса, так же как и жену Василия I, зовут Евдокия — быть может, результат преднамеренного параллелизма. Заметим, что *Тих* упоминает о господстве Василия над Каппадокией — это гораздо в большей степени сопоставимо с деятельностью Василия I, нежели Василия II¹⁴.

Все это заставляет нас склоняться, скорее, к тождеству императора Василия в ГФ с основателем Македонской династии. Однако полностью доказать это пока нет возможности, и высказанное предположение является лишь более вероятной, на наш взгляд, гипотезой. Тем самым мы отнюдь не думаем датировать жизнь Дигениса 870—880 годами — историческая реальность предстает в поэме в самом обобщенном и опозитизированном виде, и искать здесь точные хронологические соответствия, как это делали исследователи в прошлом веке (К. Сафа, Э. Легран, А. Милиаракис), нельзя. Излишне напоминать, что ряд исторических параллелей к биографии Дигениса и его предков (ссылка Андроника Дуки, переход к грекам Абу Хафса и т. д.) сталкивает нас уже с детьми и внуками Василия I.

Указанные обстоятельства делают вполне правомерным и другое сопоставление — с Василием II. В пользу этого говорит, как нам кажется, меньше доводов. Так, А. Хадзис, в сущности, исходит в этом предположении из своей теории об авторстве Евстафия Макремволита; по его мнению, Дигенис — современник Романа IV Диогена (1067—1071), а дед его — современник Василия II¹⁵. Однако даже если допустить, что Роман в *Т*, *А*, *А*₁ и *О* — это Роман IV, то не надо забывать, что ссылку деда Дигениса эти версии приписывают тоже Роману (*Т* 836, *А* 1369, *А*₁ 342)¹⁶. С другой стороны, ГФ ничего не говорит о Романи, и предполагать, как это делает Хадзис, что в прототипе ГФ упоминались два разных императора — Василий (IV 56) и Роман (IV, 971 сл.), а затем под влиянием первого упоминания посетивший Дигениса император также был назван Василием, у нас нет никаких оснований. С таким же успехом можно было бы предположить, что речь шла, например, соответственно о Василии I и Романи I (или II) или Романи I (или II) и Василии II.

С. Кириакидис также склонен остановиться на Василии II¹⁷, видя здесь следы редакции сделанной при Никифоре III Ватааниате (1078—1084), который гордился своим происхождением от этого

¹² Cp. S. Impellizzeri. Il Digenis Akritas. L'epopea di Bizanzio. Firenze, 1940, p. 66; F. Dölger, in: BZ, 31, 1934, S. 127.

¹³ Cp. N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digenis Akritas. BZ, 29—30, 1929/1930, p. 214.

¹⁴ Cp. М. Сперанский. Указ. соч., стр. 96; П. Καρολίδης. Σημειώσεις κριτικάι, ιστορικάι καὶ τοπογραφικάι εἰς τὸ μεσαιωνικὸν ἔπος. Ἐπετηρίς τοῦ ἐθν. πανεπιστημίου. Ἀθήναι, 1905—1906, σελ. 245.

¹⁵ Α. Χατζής. Εὐστάθιος Μακρεμβολίτης καὶ Ἀκριτής. BNJ, IX, 1932/33, S. 270 f; idem. Εἰς τὴν τοῦ Εὐσταθίου Μακρεμβολίτου Ἀκριτήδα. BNJ, X, 1933, S. 378.

¹⁶ Cp. G. Wartenberg. Op. cit., S. 60.

¹⁷ В своей рецензии на работы А. Греуара (Δ, X, σελ. 653 ἐξ.), оставшейся нам недоступной. Cp. J. Μαυρογορδάτο. Op. cit., p. LXXXII; R. Goossens. Les recherches récents sur l'épopée byzantine. «L'Antiquité classique», II, 1933, p. 452.

императора; вместе с тем, как и Хадзис, он считает первичным упоминание о Романе. Без каких-либо серьезных оснований склоняется к Василию II и Г. Вартенберг¹⁸. Другие доводы приводит в защиту Василия II Дж. Маврогордато. В походе против «персов» он видит упоминание о походе Василия II в Грузию 1021 г. — отождествление, которое решительно ничем не доказывается. Далее он говорит, что Василий II — один из немногих императоров, который мог изгнать деда, а затем чествовать внука¹⁹. Вряд ли, однако, этого достаточно, чтобы говорить о тождестве Василия в ГФ с Василием II с такой уверенностью, как это делает Маврогордато²⁰. В то же время вариант с именем Василия представляется ему первоначальным, а имена Романа и Никифора (по его мнению, Романа I Лакапина и Никифора II Фоки) — более поздней редакцией²¹.

Как мы видим, проблема эта остается нерешенной по сей день. Каждая из гипотез имеет свои уязвимые стороны, хотя, на наш взгляд, доводы в пользу Василия I в большей мере опираются на самый текст памятника, тогда как сторонники другой точки зрения чаще исходят из более общих, зачастую предвзятых суждений. Следует, впрочем, сказать, что такой предвзятости не чужд и А. Грегуар, последовательно отстаивающий сопоставление с Василием I²² (что является необходимым условием его «павликианской» теории). В частности, приводимая им параллель ГФ IV, 974, где о Василии говорится: *ὁ καὶ συνδάφας μεθ' ἑαυτὸν τὴν βασιλείον δόξαν*, с отрывком из жития Феоктисты Лесбосской, где об императоре Льве VI говорится: *βασιλέως . . . τοῦ εὐτυχοῦς ὄντος καὶ εὐτυχίαν Ῥωμαίων τῷ τάφῳ συνδάφαντος*²³, вряд ли является убедительным аргументом в защиту такого сопоставления. Житие Феоктисты, как известно, было написано Никитой Магистром вскоре после смерти Льва VI (912 г.) и вошло в слегка измененном виде в агиографический сборник Симеона Метафраста, составленный, видимо, в конце X в.²⁴ Симеон сохранил манеру повествования Никиты в первом лице, не упомянув, однако, имени автора, что приводило в свое время к недоразумениям²⁵. Авторство Никиты служит для Грегуара достаточным доказательством того, что приведенные слова именно в его, а не в Метафрастовской, передаче вдохновили автора «Дигениса», писавшего до 944 г. и имевшего, следовательно, в виду Василия I²⁶.

Заметим прежде всего, что совпадение в приведенных отрывках не полное — совпадают лишь три слова, и здесь можно говорить, скорее, об одном и том же риторическом приеме. Мы, таким образом, не можем быть даже полностью уверены, заимствовал ли автор поэмы эту фразу из жития Феоктисты (где, кстати, речь идет отнюдь не о Василии I),

¹⁸ G. Wartenberg. Op. cit., S. 64, 57.

¹⁹ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXII.

²⁰ The emperor Basil . . . is clearly Basil II (ibidem)

²¹ Ibid., p. LXXXIII.

²² См., например, H. Grégoire. Le tombeau . . . , p. 486—490; idem. Note sur le Digénis slave. Byz., X, 1935, p. 335; idem. Notes on the byzantine epic. Byz., XV, 1940, p. 95; idem. Le Digénis russe. Russian epic studies, ed. by R. Jacobson and S. Simmons (=«Memoirs of the American Folcllore society», vol. 42, 1947). Philadelphia, 1949, p. 156 sq.

²³ AASS Nov., IV. Bruxelles, 1925, p. 225 D; ср. ibid., p. 221—224; В В а с и л ь е в с к и й. О жизни и трудах Симеона Метафраста. ЖМНП, ч. 212, 1880, стр. 398 сл.

²⁴ В. В а с и л ь е в с к и й. О жизни и трудах Симеона. . . , стр. 398; ср. К. К е л л и д з е. Симеон Метафраст по грузинским источникам. «Труды Киевской духовной академии», 1910, кн. 2, стр. 187 сл.; А. П. К а ж д а н. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 128, прим. 24.

²⁵ H. Delehaye. La vie de sainte Théoctiste de Lesbos. Byz., I, 1924, p. 191 sq.

²⁶ H. Grégoire. Le tombeau . . . , p. 490; ср. P. Kalonagos. Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτας, т. II. Ἀθήναι, 1941, σελ. 67—68.

из какого-либо другого источника, оказавшего влияние и на поэму, и на житие, или, наконец, просто следовал распространенному литературному штампу²⁷. Но если даже считать влияние жития на поэму доказанным, все же непонятно, почему автор (или, принимая *terminus ante quem* Грегуара, редактор) «Дигениса» не мог ознакомиться с этим житием по сборнику Метафраста, который немало способствовал популярности этого произведения. Вообще, не вполне ясно, почему Грегуар столь упорно настаивает на факте дометафрастовского заимствования. Ведь и написанный или вставленный редактором в конце X в. или даже позже стих вовсе не обязательно должен был иметь в виду современника, а вполне мог относиться и к Василию I. Сама по себе эта строка отнюдь не решает еще вопроса о первичности или вторичности варианта *ΓΦ* по сравнению с группой *Т* и *А*. При этом ничто не указывает на то, входила ли она в первоначальную редакцию поэмы или является поздним добавлением. Создается впечатление, что Грегуаром владела здесь не столько трезвая оценка этого совпадения, сколько увлечение предложенным им несколькими страницами раньше *terminus ante quem* (944 г.)²⁸.

Пожалуй, с большей уверенностью можно уточнить свидетельство *Т*, *А*, *А*₁ и *О* о Романе. Среди византийских императоров нам известны четыре носителя этого имени: Роман I Лакапин (920—944), Роман II (959—963), Роман III Аргир (1028—1034) и Роман IV Диоген (1068—1071). Приведенные выше эпитеты применимы, по-видимому, лишь к Романам I и IV — недолго правившие Роман II и Роман III отнюдь не прославились военными подвигами²⁹. Это подтверждается и упоминанием о Никифоре, которым мог быть или Никифор II Фока (963—969), или Никифор III Вотаниат (1078—1081)³⁰: первый не очень далек от Романа I, а второй — от Романа IV. Однако Никифор Фока гораздо в большей степени мог заслужить расточаемые ему в *Т* 3106 сл. и *А* 4343 сл. похвалы, нежели Никифор Вотаниат; в то же время судьба Романа IV, чье кратковременное возвышение закончилось тяжелым поражением, пленом и мучительной смертью, вряд ли могла дать основание называть его *πανευτυχής* (*Т* 1447) или *νικητής ὁ μέγας* (*А* 2343). При этом кратковременное правление Романа IV не дает возможности приписать ему ссылку деда и чествование внука — интервал между этими событиями, как уже говорилось, должен был составлять примерно двадцать лет. Предположить же, что *Т* 836 и *А* 1369 имеют в виду Романа III Аргира, а затем говорят о Романе IV, значит, как нам кажется, допустить излишнюю натяжку. Не случайно *А*. Хадзис, придерживающийся этой точки зрения и предлагавший лишь следовать вместо *Т* 836—*ΓΦ* IV, 55—56 (Василий II?), не мог привести здесь сколько-нибудь убедительных аргументов³¹. Вряд ли помогут нам в этой связи такие упоминавшиеся уже анахронизмы, как *Μαρούλιοι* (*Т* 1481—1482) или победа в Ахайе (*А* 2419—2420) — они одинаково несовместимы ни с одним из Романов.

²⁷ Сходные мотивы содержит, например, и оплакивание Дигениса в VIII книге *ΓΦ*. Ср. также слова Михаила Пселла о смерти Константина VIII (*Michel Psellos. Chronographie*, ed. E. Renauld. t. II. Paris, 1928, p. 8).

²⁸ H. Grégoire. *Le tombeau...*, p. 486—487.

²⁹ Cp. G. Wartenberg. *Op. cit.*, S. 59.

³⁰ Предположение *А*. Эберхарда (*A. Eberhard. Ueber ein mittelgriechische Epos vom Digenis. «Verhandlungen der 34. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Trier. Vom 24 bis 27 September 1879»*. Leipzig, 1880, S. 53) о том, что *Νικηφόρος* представляет собой лишь эпитет Романа I, вряд ли основательно — слово это в качестве прилагательного в «Дигенисе Акрите» не встречается. Cp. G. Wartenberg. *Op. cit.*, S. 62—63.

³¹ *А*. Χατζής. *Εὑσταθίος...*, S. 275.

Все сказанное заставляет нас остановиться на Романе I: он и Никифор II в большей степени, чем кто-либо другой из византийских императоров, носивших эти имена, ознаменовали свое правление крупными победами над арабами. При этом продолжительность правления Романа I делает излишним предположение о двух разных лицах — нет никакой надобности, например, предполагать, что Дигенис встретился с Романом II, хотя по смыслу тот также должен был быть его современником. Единственное затруднение здесь, с одной стороны, двадцатилетний промежуток, отделяющий Романа I от Никифора II, а с другой, непродолжительность жизни Дигениса, умершего, согласно *T* 767 и *A* 1299, на 33-м году жизни. Следует вспомнить, однако, что, согласно тем же версиям, когда герой встречается с Романом, ему не больше 18 лет, а Никифор упоминается уже незадолго до смерти Дигениса. Получается неувязка в 5—10 лет, которая вполне допустима в подобном произведении³², и вряд ли стоит ставить ее в упрек автору или редактору поэмы, писавшему уже явно после смерти этих императоров (во всех версиях поэмы о Василии, Романе, Никифоре неизменно говорится в прошедшем времени). Наибольшая вероятность упоминания в поэме Романа I признается почти всеми исследователями³³.

Здесь перед нами встает весьма существенный вопрос, который, к сожалению, пока не может быть окончательно разрешен из-за отсутствия архетипа поэмы: какие версии представляют первоначальный вариант поэмы — *ГФ* и *Тух* с именем Василия или *T*, *A*, *A*₁ и *O* с именем Романа?

При рассмотрении этого вопроса нам кажется мало вероятным, чтобы редактор поэмы заменил упомянутого в оригинальной редакции императора одним из его предшественников, а не преемников. Именно такое предположение делает Дж. Маврогордато, считая в соответствии со своей датировкой первоначальной версии «Дигениса» (середина XI в.), что Василий II был впоследствии заменен Романом I³⁴. Теоретически это, конечно, не исключено, но весь характер исторических свидетельств поэмы говорит, скорее, о противоположном. В то время как одни из таких реминисценций — исторических, географических, литературных — доносят до нас отзвуки IX—X вв., часто искаженные и, очевидно, непонятные уже самому диаскевасту, другие представляют собой более поздние свидетельства (от XI, XII, XIII вв.), мало совместимые с основным историческим фоном поэмы и явно имевшие целью оживить, осовременить повествование³⁵. Так появляются в поэме турки, монголы, Иконийский султанат и т. п. Это стремление к модернизации окружающих Дигениса деталей характерно решительно для всех версий поэмы. Несколько отлично в этом отношении «Девгениево деяние», в большей мере, чем какая-либо из греческих версий, носящее фольклорный характер. Таким образом, предположение Маврогордато трудно совместить с отмеченной особенностью поэмы.

Отсюда наиболее вероятными нам представляются две возможности: 1) первоначально поэма имела в виду Василия I и позже заменила его Романом I; 2) сначала имелся в виду Роман I, а в более поздней редакции — Василий II. Иначе говоря, если предположить тождество Василия в *ГФ* и *Тух* — с Василием I, то в таком случае версии эти должны отражать,

³² Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXIII.

³³ Ср. A. Eberhardt. Op. cit., S. 53; G. Wartenberg. Op. cit., S. 63 — 64; H. Grégoire. Le tombeau..., p. 487; idem. Le Digénis russe, p. 156; J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLI и др.

³⁴ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXXIII.

³⁵ Ср. предисловие Э. Лермана ко 2-му изданию *ГФ* («Les exploits de Basile Digénis Acritas. épopée byzantine». Paris, 1902, p. XXII).

как нам кажется, оригинальную редакцию; сопоставление же с Василием II должно тем самым свидетельствовать, скорее, о более поздней замене. Первой точки зрения склонны придерживаться, например, А. Грегуар³⁶, П. Калонарос³⁷; второй — С. Кириакидис³⁸. К сожалению, имеющиеся пока в нашем распоряжении тексты не дают возможности с точностью установить, какая версия отражает в данном эпизоде оригинальную редакцию. Приведенные выше доводы в пользу Василия I, в большей мере основанные на свидетельствах текста *ГФ*, нежели доводы в пользу Василия II, заставляют нас считать, что в данном случае *ГФ*, скорее, следует оригинальной редакции — первоначально в поэме говорилось о Василии I, а более поздние редакторы заменили его Романом I, добавив еще и Никифора II. Разумеется, это всего лишь вывод из наиболее вероятных, по нашему мнению, предположений; важно, однако, что он подкрепляется сопоставлением отдельных мест *ГФ*, *Э*, *Т* и *А*, свидетельствующим о более позднем характере двух последних версий³⁹. В пользу этого же говорит и отмеченное уже разночтение в интересующем нас эпизоде: *ГФ* IV 975 упоминает о «персах», которые, если даже и подразумевать здесь турок-сельджуков, могли появиться в поэме уже с конца XI в., тогда как Μαγούλοι (*Т* 1482, *А* 2348) переносят нас в XIII век⁴⁰.

Большое значение для разрешения этой проблемы представило бы доказательство оригинального характера сцены битвы Девгения с Василием в *Тиз* — сцены, древность которой вызывает споры среди исследователей. Уже были отмечены различные, зачастую прямо противоположные суждения на этот счет⁴¹. М. Сперанский, В. Д. Кузьмина, А. Грегуар, А. Стендер-Петерсен, А. Шмаус считают сцену победы Девгения над императором первоначальной. Для Грегуара сцена эта является краеугольным камнем его павликианской теории⁴². А. Шмаус, сопоставляя два схожих описания — битвы Девгения с императором и битвы Девгения с Филиппапом и Максимианой, — настаивает на оригинальности первой сцены и подражательном характере второй⁴³. Однако уже неоднократно отмечавшийся исследователями фольклорный характер «Девгениева деяния» (здесь, например, совершенно отсутствует ряд важных исторических реминисценций поэмы, связанных с византийско-арабскими отношениями) серьезно затрудняет поиски в нем следов первоначальной редакции греческой поэмы, если даже согласиться с недоказанным на сегодняшний день тезисом о том, что именно такая редакция была перед русским переводчиком. При этом мы не можем даже с полной уверенностью назвать его переводчиком: хотя сопоставление древнерусской повести с наиболее схожими местами *Т*, *А*, *ГФ* свидетельствует, что перед нами, скорее всего, перевод какого-то неизвестного текста⁴⁴, не исключен и другой вывод — повесть эта могла быть также пересказом⁴⁵. Следует отметить и отсутствие упомянутой

³⁶ H. Grégoire. Le tombeau... p. 495.

³⁷ P. Kalonaros. Op. cit., т. I, сел. x', т. II, сел. 37, 290.

³⁸ В уже упоминавшейся нами рецензии (*А*, X, сел. 653 ξξ.).

³⁹ S. Kyriakides. Op. cit., S. 3 f; ср. А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960, стр. 219.

⁴⁰ S. Kyriakides. Op. cit., S. 5.

⁴¹ История этого вопроса излагается в упомянутой монографии В. Д. Кузьминой. См. также А. Я. Сыркин. К истории..., стр. 212 сл., 216 сл., 220, 222.

⁴² См. H. Grégoire. Note sur le Digenis slave, p. 335—339; idem. Le Digenis russe, p. 131 sq. и ряд других его работ.

⁴³ A. Schmaus. Philopappos-Maximo-Szene und Kaiser-Episode in altrussischen Digenis. BZ, 44, 1951, S. 505.

⁴⁴ М. Сперанский. Указ. соч., стр. 41, 81—85.

⁴⁵ W. Entwistle. Bride-snatching and the «Deeds of Digenis». «Oxford Slavonic papers», vol. IV, 1953, p. 2 sq.

сцены во всех остальных редакциях повести, в том числе в Мусин Пушкинской (восходящей к одному тексту с *Тих*)⁴⁶ и Титовской, отличающейся, как убедительно показала издавшая этот текст В. Д. Кузьмина, значительной архаичностью лексики и вместе с тем полнотой⁴⁷. *Тих* (145—146) содержит в этом эпизоде ту же несообразность, что и *Т*, вряд ли имевшуюся в первоначальной редакции, — сочетание Каппадокии (*Т* 1481; в *ГФ*, кстати, эта деталь отсутствует) и Евфрата (*Т* 1499, 1511)⁴⁸. Следует сказать, что наиболее близкую к «Девгениеву деянию» *Т*, судя по ряду мест, отнюдь нельзя назвать наиболее архаичной версией памятника. Возвращаясь к отмечавшемуся уже отсутствию исторических реминисценций в «Девгениевом деянии»⁴⁹, любопытно отметить, что этот непосредственный, если верить Грегуару, отзыв павликианства не сохранил даже тех скудных реминисценций греческих версий, которые лишь и позволяют делать предположения об участии павликиан в византийском эпическом творчестве. Здесь нет ни Кароеса, ни Хрисоверга, ни Судалиса.

Ряд ученых — Г. Вартенберг, П. Калонарос, А. Вайян, А. Мазон, Дж. Маврогордато, С. Кириакидис — подвергают серьезному сомнению оригинальный характер указанного эпизода. Уже отмечалось более удачное композиционное построение греческой поэмы в сравнении с «Девгениевым деянием»⁵⁰ — факт, признанный и самим Грегуаром⁵¹. Сомнение вызывает аргументация Грегуара там, где он предполагает обработку павликианской поэмы в лояльном, проимператорском духе и сохранение ее в первоначальном виде благодаря болгарским павликианам, через которых она будто бы проникла на Русь⁵². Никакими свидетельствами такого посредничества мы не располагаем. При этом весьма трудно предположить, как замечает Дж. Маврогордато, деятельность, направленную на то, чтобы разыскать все рукописи антиимператорской поэмы, бытовавшей в пограничных областях, и заменить эти тексты ученым произведением, годным для столицы. Трудно представить себе, чтобы подобная деятельность оказалась эффективной⁵³. Справедливо и другое сомнение Маврогордато: если такая деятельность имела место, то как мог сохраниться в поэме дерзкий ответ Дигениса царю — угроза уничтожить его неразумных воинов (*ГФ* IV, 997—999); кроме того, вряд ли такая цензура разрешила бы Дигенису поучать императора его обязанностям (*ГФ* IV, 1032 сл., *Т* 1525 сл., *А* 2391 сл.)⁵⁴. Укажем в этой же связи еще на один не особенно лояльный стих — о том, как, увидя льва, император обратился в бегство — καὶ πρὸς φυγὴν δὲ καὶ αὐτὸς ὁ βασιλεὺς ἐτρέπη (*ГФ* IV, 1069). Все эти примеры, разумеется, можно истолковывать и в ином смысле — как остатки еще более враждебного отношения к императору. Нам представляется, однако, более осторожным опираться при подобных

⁴⁶ М. Сперанский. Указ. соч., стр. 28.

⁴⁷ В. Д. Кузьмина. Новый список «Девгениева деяния». ТОДРЛ, IX, 1953, стр. 343, сл.; ср. J. Mavrogordato. Op. cit. p. XXV, XXVI.

⁴⁸ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLIV.

⁴⁹ Вряд ли разумно относить без каких-либо доказательств эту фольклорную черту повести за счет ее древности (H. Grégoire. Le Digenis russe, p. 158). Достаточно сопоставить хотя бы *ГФ* с записанными в новое время акритскими песнями, чтобы увидеть, насколько произвольно установление подобной зависимости.

⁵⁰ G. Wartenberg. Geht der slavische Digenis auf ein älteres Original zurück als die erhaltenen griechischen Epen? Byz. XI, 1936, S. 324 ff.

⁵¹ H. Grégoire. Notes on the byzantine. . . , p. 92—93.

⁵² H. Grégoire. Note sur le Digenis Slave, p. 337; idem.: Le Digenis russe, p. 157.

⁵³ J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLIV.

⁵⁴ Ibidem.

толкованиях на известный текст, чем на предполагаемый. В данном же случае важно, по нашему мнению, иметь в виду следующую особенность текста. Поэма заведомо ставит главного героя выше всех остальных. Однако, принимая всех, кто сталкивается с Дигенисом, она в то же время отдает им должное, зачастую не скупясь на похвалы. Такое сочетание отваги, а вместе с тем трусости по сравнению с Дигенисом мы найдем в образах Филопаппа, Мелемендзиса, Максимо; таков здесь и образ императора. Существовала ли когда-нибудь греческая редакция со сценой победы Дигениса над императором или нет, та двойственность, которая прослеживается в сохранившихся греческих вариантах этого эпизода, вполне отвечает приемам характеристики действующих лиц поэмы.

Различные толкования вызывает сходство в «Девгениевом деянии» эпизодов столкновения Девгения с императором и Девгения с Филиппапом и Максимианой. В отличие от А. Шмауса, А. П. Каждан считает последний эпизод первичным, а первый сделанным по его образцу⁵⁵. Впрочем, если даже эпизод с императором независим от других сцен повести, это еще не доказывает принадлежности его к греческому архетипу. С. Кириакидис, например, предполагает, что поводом для *Тух* послужило здесь своеволие и недоверчивость Дигениса, которые он проявляет перед императором в греческих текстах, — это и получило развитие в русской повести, вообще придающей герою более воинственный характер⁵⁶. Отметим, что мотив враждебных отношений между героем и царем известен и современным греческим песням. Так, в трапезундской песне о Порфирисе⁵⁷ царь посылает войско против героя, желающего жениться на царевне. Порфирий побеждает войско противника, но самого царя не трогает. Трудно судить, насколько характерен был этот записанный в новое время сюжет для эпического творчества IX—X вв. Г. Дестунис, например, считает этот мотив более поздним сравнительно с мотивом борьбы между греками и сарацинами и относит его к периоду турецкого ига, когда «в народной фантазии под именем царя и стратига рисовались султан и паша, а в богатыре чествовала она независимого клефта»⁵⁸.

Следует остановиться и на одном из основных аргументов М. Сперанского в защиту оригинальности этой сцены⁵⁹. Он ссылается на уже рассматривавшийся нами (см. выше, стр. 101—102) стих *ГФ IV 974*, где об императоре Василии говорится: *ὁ καὶ συνθάψας μεθ' ἑαυτοῦ τὴν βασιλείον δόξαν*. Сперанский переводит: «он, который вместе с собой похоронил и царское достоинство» (лучше бы перевести: «царскую славу». — А. С.), и поясняет: «т. е. потерпел неудачу, погубил достоинство царя», видя в этом намек на эпизод поражения императора, сходный с русским текстом, и выдающий

⁵⁵ См. его рецензию на книгу А. Грегуара «Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας» (New York, 1942) в ИАН СССР, сер. ист. и филос., т. V, № 2, 1948, стр. 212; ср. S. Kyriakides. Op. cit., S. 14—15. Не случайно, быть может, в этой связи упоминание в *Тух* об отпуске Дигенисом пленных после победы над императором, в том числе «Канама со Иа-акимом» (147), упоминающихся в греческой поэме лишь в связи с Филопаппом и Максимо.

⁵⁶ S. Kyriakides. Op. cit., S. 14. С другой стороны, *Тух*, довольно близко следующая в начале этой сцены за греческим текстом, сохраняет и характерные для него уничижительные нотки, звучащие в ответе Дигениса императору: «удѣмалъ еси хѣдобѣ мою видети» (145) — *ἰδεῖν ἀχρηστον ἄνδρα* (Г 1498); «дивлюся, како потрудися царь твой к моеи хѣдости» (146). Ср. A. Vaillant. Le Digenis slave. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. 21, 1955, р. 215.

⁵⁷ Σ. Γεωργίου. Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος... Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, σελ. 288—290; ср. Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, стр. 79 сл.

⁵⁸ Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 86.

⁵⁹ М. Сперанский. Указ. соч., стр. 97, прим. 1.

«первоначальный текст поэмы». Такое толкование, однако, представляется нам результатом явного недоразумения. Текст этот, если подходить к нему без всякой предвзятости, естественнее всего понять как «унесший с собой в могилу царскую славу», что отнюдь не подразумевает какую-либо неудачу, а, напротив, содержит высшую похвалу, вполне соответствующую предыдущей строке, где царь назван: *εὐτυχὴς καὶ μέγας τροπαιοῦχος* (иначе приходится допустить нелепое противоречие). Перед нами здесь, как уже говорилось выше (стр. 101—102), характерный для византийской (Никита Магистр, Михаил Пселл), да и не только для византийской, литературы риторический прием, перекликающийся к тому же со всем настроением сцены оплакивания самого Дигениса (ГФ VIII; А X).

Свидетельством о существовании в греческом тексте эпизода, представленного *Τιχ*, склонны иногда считать и стих *Τ* 1541 (А 2407)⁶⁰. Здесь император в ответ на наставление Дигениса и на обещание его сделать всех врагов рабами императорской власти, говорит ему: *ἔχε... ὃ τέκνον μου, ὅλην τὴν Ῥωμανίαν* — «владей... дитя мое, всей Романией». Подобное предложение, конечно, вполне может исходить из уст побежденного соперника, хотя вряд ли естественно называть своего победителя *τέκνον μου*. У нас нет оснований с уверенностью считать, что эта строка точно отражает оригинальную версию, а не искажает ее. Между тем последнее отнюдь не исключено — достаточно сопоставить этот стих с ГФ IV, 1023—1025 (первые слова императора при встрече с героем):

ГФ IV, 1023—1025

Τ 1541 (А 2407)

Ἐχεῖς, λέγων, ὃ τέκνον μου, ἀπόδει-
ξιν τῶν ἔργων...

Ἐχε, φησὶν (λέγει), ὃ τέκνον
μου, ὅλην τὴν Ῥωμανίαν.

Εἶδε τοιοῦτους τέσσαρας εἶχεν ἡ Ῥω-
μία.

Прибавим, что двумя строками ниже (IV, 1027) император предлагает Дигенису: *ὅπερ βούλει λάμβανε τῆς ἐμῆς βασιλείας*, что по смыслу не так уж отличается от *Τ* 1541.

Но если даже этот стих не является результатом более позднего редактирования и без изменения перешел в *Τ* и *А* из более старого оригинала, ясно во всяком случае, что редакторы этих версий были далеки от подобного толкования — вряд ли иначе император был бы назван несколькими стихами ниже *νικητὴς* (А 2420, в *Τ* здесь лакуна). И это недоразумение не единственное. Будучи истолкован как слова побежденного в сражении императора, уступающего победителю всю свою страну, стих *Τ* 1541 (А 2407) вступает в полное противоречие со всем содержанием этих эпизодов в *Τ* и *А*. Следует признать тогда, что император всерьез дарит герою свое царство после того, как тот в почтительнейших выражениях обещал сделать рабами императора его врагов. Подарив же Дигенису Романию, император сразу же (*Τ* 1544—1546, А 2410—2412) жалуется ему в двойном размере конфискованные раньше владения деда Дигениса — дар, совершенно несоизмеримый с предыдущим, — причем обещает скрепить это хрисовулом, т. е. лишним раз подтверждает тем самым свою верховную власть, которую он только что уступил. Затем он заверяет «властителя Романии», что никто у него не отнимет этих владений (*ἔχε ταῦτα ἀφαίρετα*). В *Τ* следует лакуна, а *А*, почти дословно повторяющая ее в этом эпизоде, говорит, что исполнив все это (*ταῦτα πάντα... πληρώσας*), император жалуется

⁶⁰ Ср. А. П. К а ж д а н. Указ. рец., стр. 212.

Акриту драгоценные ткани (χάρισε πολύτιμα κοσμάσια) и отправляет (ἐπρόπεμψε) его (2413—2415), после чего Акрит возвращается на границы.

Очевидно, что в угоду предполагаемому содержанию неизвестного нам текста мы допускаем явные несообразности в двух сохранившихся версиях — несообразности, странным образом пропущенные или непонятые редакторами. Не надежнее ли будет исходить в толковании этого стиха из окружающего его текста, а не из априорных предположений? При таком подходе, как нам кажется, все противоречия исчезают. Предложение «владеть всей Романией» легко понять как ни к чему не обязывающую поэтическую гиперболу, естественную в устах восторгающегося Дигенисом императора; можно вспомнить здесь *ГФ IV, 1027*, где он же предлагает герою взять у него все, что тот пожелает, или *ГФ, IV, 1080—1082*, где Василий славит господа, удостоившего его увидеть мужа, который превзошел силой всех ныне живущих (ἐν τῇ παρούσῃ γενεᾷ ἰσχυρόν παρὰ πάντας). Подобные и куда более фантастические гиперболы — не редкость в нашей поэме. В таком понимании стих этот вполне увязывается со своим контекстом (*Г* 1542 сл., *А* 2408 сл.). «Владей всей Романией, дитя мое, — говорит император и продолжает, — можешь проходить (διέλθε) по ней с севера и по всем ее землям (μερῶν τῶν πάντων) и встречай теперь почет со своими людьми (καὶ ἔσο υἱν τιμώμενος μετὰ καὶ τοῦ λαοῦ σου); я пожалуй тебе хрисовулом в двойном размере все владения твоего деда. . .», и т. д. В приведенном отрывке первые слова императора, если не рассматривать их изолированно, звучат уже, скорее, как предоставление герою права разгуливать по всей стране и пользоваться повсюду почетом. Здесь, как нам кажется, по смысловому оттенку подошел бы, скорее, такой перевод, как «вся Романия — твоя (в твоём распоряжении; у твоих ног). . .», «вся Романия перед тобою. . .» и т. п. Отметим, что оттенок этот удачно, на наш взгляд, передан во французском переводе Э. Леррана: «Mon enfant, la Romanie tout entière est à toi; parcours-la au nord et dans toutes ses provinces. . .»⁶¹ Слова эти не вызывают здесь никакого недоумения.

Приведенные соображения, разумеется, отнюдь не доказывают еще отсутствия в недошедших до нас редакциях поэмы эпизода, представленного *Тих*; не исключают они и возможности существования этого эпизода именно в первоначальной версии «Дигениса Акрита». Цель их — показать неизбежную шаткость подобных гипотез, не находящих, как нам кажется, подтверждения в сохранившихся греческих текстах. Что же касается текста «Девгениева деяния», то, не считая себя достаточно компетентными для специального его анализа, позволим себе отметить лишь следующее. Пожалуй, наиболее убедительным следом сравнительной древности оригинала *Тих* относительно *Г* и *А* служит, по нашему мнению, упоминание Василия вместо Романа в сочетании с Каппадокией (отсутствие тех или иных реминисценций как более ранних, так и более поздних — в данном случае служить доказательством не может).

Отразилась ли эта сравнительная древность в других частях русской повести? Следуй «Девгениево деяние» во всех своих эпизодах, за исключением одного этого, содержанию греческого памятника, мы еще могли бы с известной вероятностью заключить о существовании соответствующего греческого текста, более раннего, чем оригинал *Г* и *А*. Но сцена победы Девгения над царем — не исключение. Не говоря уже о Погодинской (и схожей с ней Титовской) редакции, представляющей собою более

⁶¹ Les exploits de Basile Digénis Acritas, épopée byzantine du dixième siècle, publiée. . . par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875, p. 129.

поздний, обрусевший вариант повести⁶², такие неизвестные греческим текстам детали встречаются и в Тихонравовской, — по мнению М. Сперанского, более близкой к архетипу русской повести⁶³ — редакции. Так, Девгений убивает здесь трехглавого змея, прилетевшего к источнику, у которого он совершал омовение (137); он сталкивается с самим стратигом (отцом стратиговны) и ударом по плечу сбрасывает его с коня (142 — несколько аналогичное с интересующим нас эпизодом отклонение, также делающее героя более воинственным, чем в греческой поэме); после своей свадьбы Девгений дарует свободу находившимся у него пленникам, в том числе Филипапе и Максиму (144) — о пребывании их в плену у героя сообщает и более поздняя Погодинская редакция (163), но ничего не говорит греческие тексты. Схожим образом после победы над Василием отпускает он на свободу среди прочих пленных «Канама со Иакимом» (147), о пленении которых греческие версии также не упоминают. Если сопоставить все это с ярко выраженным фольклорным, сказочным характером «Девгениева деяния» и принять во внимание, что мы располагаем лишь более поздними редакциями повести, отделенными от предполагаемого времени ее возникновения (XII—XIII вв.)⁶⁴ четырьмя-пятью веками, то станет ясно, насколько трудно определить при современном состоянии источников, каким из этих расхождений мы обязаны утраченному греческому оригиналу и какие являются результатом творчества русского переводчика и редакторов.

Итак, окончательное решение вопроса о том, входила ли сцена единоборства Девгения с императором в греческий оригинал «Девгениева деяния», а если входила, то отражала ли она архетип поэмы, представляется нам невозможным до тех пор, пока мы не знаем ни архетипа древнерусской повести, ни ее греческого оригинала, ни, наконец, первоначальной редакции эпоса о «Дигенисе Акрите». Это лишает нас важного аргумента в пользу того, что первоначальная редакция «Дигениса Акрита» имела в виду императора Василия, а не Романа. Тем не менее гипотеза о первичности Василия (и, скорее всего, Василия I) по приведенным выше соображениям представляется нам наиболее вероятной.

2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Как мы видели, отдельные персонажи поэмы, окружающие Дигениса, историчны в большей степени, чем он сам, и в ряде случаев допускают сопоставление с теми или иными лицами византийской и арабской истории⁶⁵. Такие сопоставления, хоть и не дают возможности поместить нашего героя в какие-либо определенные хронологические рамки, тем не менее весьма существенны для датировки возникновения поэмы и составления отдельных ее редакций. Ниже мы затронем отдельные важные для этой датировки историко-географические реминисценции поэмы и проблеме ее хронологии.

ГФ III, 236 сл. сообщает о том, как после проповеди эмира о преимуществах христианской веры родичи его и все собравшиеся тогда в Рахабе (Эдессе) мусульмане приняли христианство (ср. VIII, 8 сл.). Хотя нет возможности связать этот эпизод с каким-либо определенным событием, он представляется весьма характерным для 30-х годов X в. Так, около 928 г. на сторону греков перешел эмир Мелитины Абу Хафс. Несколькими

⁶² Ср. М. С п е р а н с к и й. Указ. соч., стр. 120.

⁶³ Там же, стр. 28.

⁶⁴ Там же, стр. 130.

⁶⁵ А. Я. С ы р к и н. Об историчности. . . , стр. 132.

годами позже, по-видимому, под влиянием военных успехов Куркуаса, захватившего в 934 г. Мелитину, а затем и Самосату, на сторону греков перешло целое арабское племя — Бени-Хабиб. Около 12 тыс. человек вместе со своими слугами приняли христианство и, поселенные на пограничных землях империи, сделались ее верными защитниками; они в свою очередь склоняли к подобному переходу своих сородичей, продолжавших хранить верность исламу⁶⁶. Такие случаи не были в те годы исключением⁶⁷, и, надо думать, именно они сделали возможным упомянутый эпизод поэмы.

Другое свидетельство, правда, в довольно широких хронологических рамках дает неоднократное упоминание в различных версиях Евфрата как пограничной области (*ГФ* IV, 994, 1006; VI, 727, 844; VII, 7 и др.). Византийские войска вышли на Евфрат при Романе I в результате походов Иоанна Куркуаса и примерно в 928—1071 гг. берега этой реки служили границами Византии⁶⁸. Тем не менее не исключено, что название это могло употребляться и в связи с более ранними событиями, например в связи с рассказом о переходе через Евфрат Василия I⁶⁹. Вместе с тем, как мы отмечали уже (см. выше, стр. 97—98), в сцене встречи с императором *Т*, *А* и *Тих* говорят также и о Каппадокии, что, возможно, свидетельствует о двух разновременных редакциях этого текста⁷⁰.

Обращаясь к эмиру, мать его, защищая ислам, говорит: οὐ παρ' ἡμῖν τὸ Νέεσμα ὑπάρχει τὸ μανδίλιον (*ГФ*, III, 150). Здесь имеется в виду какая-то реликвия, связанная с легендой о сирийском военачальнике Неемане, излеченном от проказы пророком Елисеем (4 кн. Царств, 5; ср. Евангелие от Луки, 4, 27). По мнению А. Грегуара, следующего за П. Каролидисом, Нееман тождественен здесь с царем Эдессы Абгаром V, согласно легенде, исцеленным от проказы Иисусом Христом, а μανδίλι — это τὸ τοῦ Χριστοῦ ἅγιον ἐκμαγεῖον — платок, сохранивший изображение Иисуса, который будто бы осушил им свое лицо, а затем послал этот платок Абгару⁷¹. Реликвия эта находилась в Эдессе до 944 г., когда она была торжественно перенесена в Константинополь. Отсюда А. Грегуар выводит terminus ante quem первоначальной версии поэмы — 944 г. Несмотря на свою заманчивость, гипотеза Грегуара все же вызывает сомнения. Прежде всего, почему Нееман спутан с Абгаром? Не могла ли находиться в Эдессе, славившейся «чудесными исцелениями», какая-то неизвестная нам реликвия, связанная с именем Неемана? ⁷² Далее, строго говоря, мы не можем даже быть полностью уверенными, что под ἡμῖν здесь подразумевается Эдесса, а не вообще: «у нас, мусульман». Ведь несколькими стихами выше (*ГФ* III, 139 сл.) мать эмира говорит о другой святыне — гробнице пророка, находящейся в Мекке.

⁶⁶ И б н Хаукаль (in: «Bibliotheca geographorum arabicorum, 2 ed., ed. J. Kramers, 1 fasc., Leiden, 1938), p. 211—213 (цит. по кн.: А. А. Васильев. Byzance et les arabes, t. II, 2 part. Bruxelles, 1950, p. 419—421); И б н Зафир. — Ibid., p. 121.

⁶⁷ А. А. Васильев. Византия и арабы, т. II. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902, стр. 236—237.

⁶⁸ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXX; S. Impellizzeri. Op. cit., p. 7.

⁶⁹ Ср. Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 269. 1—7, H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ἀκρίτας, σελ. 289.

⁷⁰ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLIV.

⁷¹ Ср. П. Каролидис. Op. cit., σελ. 229 ἐξ.; H. Grégoire. Le tombeau..., p. 486—487; idem. 'Ο Διγενής Ἀκρίτας, σελ. 108—110. Подробнее об этой реликвии см. E. Dobschütz. Christusbilder. Leipzig, 1899, Kap. V: Das Christusbild von Edessa, S. 102—196. Ср. M. Canard. Histoire de la Dynastie des H'amdanides de Jazira et de Syrie, t. I. Paris, 1953, p. 748—752.

⁷² J. Mavrogordato. Op. cit., p. XXXV, LXXVIII.

Допуская, что здесь действительно имеется в виду Абгар, Маврогордато (*ibidem*) считает возможной ошибку в тексте — *μαντῆλι* вместо *μαντῆλο* — тогда, по его мнению, речь может идти о другой знаменитой эдесской святыне — письме Христа к тому же Абгару. Письмо это находилось в Эдессе, по-видимому, до 1031 г., что разрушает все построения Грегуара. Вряд ли, однако, есть необходимость в подобной конъектуре, ибо она не разрешает основного сомнения — в тождестве Неемана Абгару. При этом Маврогордато не учитывает и того, что обе реликвии могли быть перенесены в Константинополь одновременно — в 944 г., а это не исключено ⁷³. Вполне возможным в этой связи представляется предположение С. Кириакидиса, склонного видеть здесь добавление редактора ГФ, желавшего показать свою начитанность и знание Библии ⁷⁴. Так или иначе, стих ГФ III, 150, вопреки мнению А. Грегуара, не может считаться надежным хронологическим свидетельством.

Упомянув о Мусуре Тарсийце и о его походах ⁷⁵, поэма, по-видимому, имеет в виду время до 965 г., когда Тарс был взят Никифором Фокой ⁷⁶. Вместе с тем событие это, как и другие походы Никифора, было, очевидно, уже знакомо автору, который говорит о взятии Дигенисом Тарса (ГФ IV, 969) и о покорении «маврохионитов» (ср. Т 3107, А 4344) ⁷⁷. Трудно судить, свидетельствует ли стих Э 236, где мать говорит эмиру о его *τοῦ χαλέπε κοράσια*, о времени до взятия Никифором Алеппо (967 г.) ⁷⁸. Значительно достовернее упоминание в разных версиях поэмы Рахаба (Эдессы) как мусульманского укрепления — это наверняка свидетельствует о времени до 1031 г., когда город этот был взят Георгием Маниаком ⁷⁹.

Не особенно надежными представляются слова о прочном мире, установленном Дигенисом на границах, когда не слышно было ни слова о войне (ГФ VII, 221 сл., VIII, 227; Т 3092; А 4329). Вряд ли стоит непременно исходить из этой предпосылки при датировке «Дигениса Акриты». Прежде всего следует различать здесь время, о котором писал автор поэмы, и время, в которое он писал. Второе далеко не обязательно должно быть периодом мира — восхвалять мир автор мог и во время войны. Поэтому аргументация Дж. Маврогордато, видящего в этом указании довод в пользу предлагаемой им датировки первоначальной редакции памятника — при Константине Мономахе (1042—1055), когда на восточных границах империи «царил почти полный мир», выглядит не очень убедительно ⁸⁰. Но если даже согласиться с этой предпосылкой, то таким периодом могли, например, быть и годы, предшествовавшие взятию Никифором Алеппо (967 г.) ⁸¹, что, пожалуй, больше соответствует периоду формирования византийского эпоса. Не более надежны с точки зрения упоминаний о мире и поиски

⁷³ См. об этом: В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 392—398; В. Васильевский. Синодальный кодекс Мефафраста. ЖМНП, ч. 311, 1897, июнь, стр. 399—400; ср. рецензию С. Кириакидиса на указ. соч. Маврогордато (BZ, 50, 1957, S. 142).

⁷⁴ S. Kyriakides. Op. cit., S. 21; ср. S. Impellizzeri. Op. cit., p. 79.

⁷⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 142 сл.

⁷⁶ S. Kyriakides. Op. cit., S. 20. Не исключено, что соответствующий стих Э (263) намекает на действия Куркуаса в Армении в 940 г. (*ibid.*, S. 20, п. 84), но считать это доказанным нельзя. Поводом к этому упоминанию могла послужить и деятельность эмира Тарса Али ибн Яхьи в Армении (ср. А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 144).

⁷⁷ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 126—127.

⁷⁸ S. Impellizzeri. Op. cit., p. 79.

⁷⁹ *Ibidem*.

⁸⁰ J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXX, LXXXI, LXXXIV; ср. указ. рец. С. Кириакидиса (BZ, 50, 1957, S. 143).

⁸¹ S. Kyriakides. Forschungsbericht. . . , S. 22.

времени, о котором писал автор. Можно предположить здесь и последние годы правления Никифора, что находит себе подтверждение в *T*, *A*, *A*₁, *O*, но не исключено, что автор поэмы имел в виду какую-либо другую передышку — мирные договоры и обмены пленными в IX—XI вв. не были редкостью⁸².

Выше были отмечены некоторые реминисценции, которые вполне могли входить в первоначальную редакцию поэмы и в той или иной мере существенные для ее датировки⁸³. Вместе с тем разные версии поэмы содержат и отдельные более поздние напластования, имевшие, по-видимому, целью осовременить повествование. На некоторых из таких «модернизмов» мы уже останавливались⁸⁴.

На существование Иконийского султаната намекает, по всей видимости, стих *ГФ* IV, 1043, где Дигенис обещает императору освободить его от дани *ὁ ἐδίδου κατὰ καιρὸν τέλος τῷ Ἰκόνιῳ* (в других версиях это свидетельство отсутствует). Стих этот переносит нас в конец XI—XIII в.⁸⁵ Вряд ли следует прибегать здесь к каким-либо конъектурам с целью привести это место в соответствие с именем Василия⁸⁶ — ведь такой анахронизм не является в поэме исключением, а речь идет отнюдь не о первоначальной версии памятника, а о его более поздней редакции⁸⁷. Кроме этого, Иконий (*Ἰκόνιον*, *Κόνιον*) встречается и в других местах поэмы — там, где говорится о завоеваниях отца эмира (*Э* 258; ср. *T* 3058, *A* 4294), самого эмира (*ГФ* I, 295, *Э* 732) и, наконец, Дигениса (*ГФ* I, 8); но здесь, очевидно, речь идет не о султанате.

Большее сомнение вызывает стих *Э* 924, говорящий о птицах, пьющих *εἰς τὴν Ἰχέαν τὴν λίμνην*. Здесь, по-видимому, имеется в виду залив Аскания близ Никей, но совершенно неясно, следует ли отнести это упоминание ко времени Никейской империи, т. е. к XIII в.⁸⁸

Интересно обещание стратига Дуки Дигенису дать ему в приданое *κεντηνάρια εἰκοσι νομίσματα παλαῖα*, которые он заранее отобрал и сохранил для дочери — *ἃ πρὸ καιροῦ ἐχώρισα καὶ ἐθέμην ἰδίως* (*ГФ* IV, 706—707; *T* 1307 и *A* 2116 не приводят последних слов; в *Э* упоминание о «старой монете» вообще отсутствует). Слова эти вполне подходят к периоду с середины XI в., в особенности ко времени Комнинов, когда в результате порчи монеты деньги ценились тем дороже, чем старше была чеканка⁸⁹.

Упоминающиеся в поэме *Πέρσαι*, как уже говорилось, не обязательно должны обозначать турок-сельджуков⁹⁰; так могли называться и арабские

⁸² Ср. G. Vismare. *Bizanzio e l'Islam*. Milano, 1950, p. 29 sg. (n. 82—84).

⁸³ Во избежание повторений мы не останавливаемся здесь на ряде таких реминисценций, затронутых в предыдущей статье («Об историчности...»).

⁸⁴ См. выше, стр. 97—98.

⁸⁵ Ср. Nicetae Choniatae *Historia*. Bonnae, 1835, p. 481. 12—14; Georgii Pachumeris *De Michaele et Andronico Palaeologis*. Bonnae. 1835, vol. I, p. 15. 16—17.

⁸⁶ Так, A. Грегюар (H. Gregoire. *Le sultanat l'Iconium dans l'épopée byzantine*. Byz. IX, 1934, p. 361—365) предлагает читать это место: *ὁ ἐδίδου κατὰ καιρὸν τέλος τὸ τῶν οἰκείων*; ср. S. Kyriakides. *Forschungsbericht...*, S. 6—7; A. Χατζής. *Εἰς τὴν τοῦ Εὐσταθίου...*, σελ. 369 ἐξ.

⁸⁷ P. Kalonaros. *Op. cit.*, т. II, σελ. 167.

⁸⁸ Так полагает С. Кириакидис (*Ἀχρυσικαὶ μελέται*. *Miscellanea G. Mercati*, III, 1946, p. 428—429; *idem*. *Forschungsbericht...*, S. 6.).

⁸⁹ Ср. Ph. Grierson. *The debasement of the bezant in the XIth century*. BZ, 47, 1954, S. 384; G. Ostrogorsky. *History of the Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 315, 327 sq. Это же характерно и для времени Палеологов (G. Ostrogorsky. *Op. cit.*, p. 430 sq.). Ср. S. Kyriakides. *Forschungsbericht...*, S. 7.

⁹⁰ S. Kyriakides. *Forschungsbericht...*, S. 7; ср. А. Я. Сыркин. *Об историчности...* стр. 149.

войска, в которых наряду с арабами служили персы и турки. Последние, кстати, названы в поэме (*ГФ* I, 45; *А* 308, *Э* 728) среди разноплеменных воинов эмира, отца Дигениса, и вряд ли поэтому следует считать, что соответствующий стих *Э* мог появиться лишь с конца XI в.⁹¹ Об этом времени, скорее, свидетельствуют «турецкие мечети» — *μασγίδια τούρκικα* (*Э* 102), а также титул «султан», который *Э* 727, быть может, под влиянием последующего (728) упоминания о турках дает отцу Дигениса⁹². Другие версии не называют его так, зато *Т* 3064 и *А* 4300 называют деда эмира — Амброн — *ὁ μέγας ὁ Σουλτάνος*⁹³. Однако и здесь мы не можем с уверенностью видеть связь с сельджуками. Известно, что титул султана существовал в халифате еще в IX в.; его носил, в частности, полководец Мутасима Ашнас, турок по происхождению⁹⁴. Этот Ашнас, кстати, был участником разграбления Анкиры, на которое, по-видимому, намекают несколько выше *Т* 3059 и *А* 4295, называющие Анкиру среди других городов и областей, которым *Ἀγαρηνῶν τὸ γένος... πολλὴν βλάβην ἐποίει* (*Т* 3055—56)⁹⁵. Не исключено, таким образом, что и этот титул — отголосок IX в.

Интересно свидетельство о *Μαγούλοι* (*Т* 811, 1482; *А* 1343, 2348; *А*₁ 342, 363). Вряд ли это искаженные *Γουάβιοι* (*ГФ* I, 47)⁹⁶, так как *Т* и *А* упоминают их не только в связи с войском эмира. Скорее всего, здесь имеются в виду монголы, что свидетельствует о времени после 1242 г.⁹⁷

Другое свидетельство — упоминание в *ГФ* I, 29 о скифах, под которыми, вероятно, подразумеваются куманы (половцы)⁹⁸. Место это, однако, существенно для датировки не самой *ГФ*, а вступления к этой версии, которое, как уже говорилось, составлялось отдельно от нее⁹⁹.

Весьма важно для датировки *А* (и соответственно *Т*) упоминание об Ахайе, где император одержал победу после встречи с Дигенисом (*А* 2419—2420, *А*₁ 364, в *Т* здесь лакуна). По-видимому, тут имеется в виду Ахейское княжество, основанное крестоносцами, а победа эта, — вероятнее всего, битва при Пелагонии 1259 г., где Михаил VIII Палеолог (1259—1282) в союзе с куманами и сельджуками нанес сокрушительное поражение коалиции, во главе которой стояли Манфред (Сицилия), Михаил II (Эпир) и Вильгельм Виллардуэн (Ахайя)¹⁰⁰. Это свидетельство вполне согласуется с упоминающимися несколько выше в тех же эпизодах версий *Μαγούλοι*. Заслуживает внимания и отмеченная С. Кириакидисом близость этого стиха *А* к тексту Пахимера¹⁰¹.

⁹¹ S. Kyriakides. *Σημειώματα*. BZ, 44, 1951, S. 358.

⁹² Ibidem; P. Kalonaros. Op. cit., т. II, σελ. 157.

⁹³ Cp. M. Canard. Un personnage de roman arabo-byzantin. «Deuxième Congrès national des sciences historiques». Alger, 14—16 avril 1930. Alger, 1932, p. 96.

⁹⁴ A. A. Vasiliev. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 4.

⁹⁵ Любопытно, что ниже (*Т* 3061, *А* 4297) «первым стратиготом» этих «агарян» назван Хосрой (см. А. Я. Сыркин. Об историчности... стр. 144); это лишний раз свидетельствует о смешении в поэме персов с арабами.

⁹⁶ H. Grégoire. L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane. BCLSMF, ser. 5, t. 17, 1931, p. 481 sq.; cp. P. Kalonaros. Op. cit., т. I, σελ. 76; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 5.

⁹⁷ Pachym., I, p. 344. 15; II, p. 620. 10; cp. S. Kyriakides. *Ἀκριτικαί...*, p. 400—405; idem. Forschungsbericht..., S. 5.

⁹⁸ Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg, I. Lipsiae, 1903, p. 18₂₆, 21₂₄ sq.; cp. S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 7.

⁹⁹ А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 126.

¹⁰⁰ G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 398, 399; cp. S. Kyriakides. *Ἀκριτικαί...*, p. 405—408; idem. Forschungsbericht..., S. 6; P. Kalonaros. Op. cit., т. I, σελ. 133—134.

¹⁰¹ Pachym., I, p. 106₁₇ sq; 107₂₀; cp. S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 6.

Мы останавливались уже на некоторых существенных в историческом отношении географических реминисценциях поэмы (Евфрат, Рахаб, Тефрика, Анкира, Иконий, Тарс и др.)¹⁰². Отдельные имена не поддаются пока точному отождествлению. Такова, например, Лаккопетра (ГФ II, 101, 140), сопоставляемая то с Запетрой, то с Λαχάπη — родиной Романа Лакапина¹⁰³. Нет полной уверенности в отождествлении Халкургии (ГФ V, 238, 257)¹⁰⁴, Эксакомии (ГФ II, 78)¹⁰⁵. Неясно, являются ли «троглодиты» в войске эмира (ГФ I, 46) данью античной географии или они связаны со свидетельством Льва Диакона, согласно которому таковым было старое название каппадокийцев¹⁰⁶. Трудно сказать, отразилась ли малоазийская топонимика в упоминании «великия рекомыя рѣки Багряницы» в Погодинской редакции «Девгениева деяния» (стр. 150, изд. Сперанского). А. Грегуар делает довольно проблематичное сопоставление с Галисом: он производит название этой реки от тюркского al (= écarlate, ср. русск. «алый»), не учитывая почему-то традиционной этимологии этого названия (от греч. ἄλς)¹⁰⁷.

В целом, несмотря на отдельные неясности, действие византийского эпоса может быть локализовано достаточно точно. Это в основном районы Каппадокии, Киликии, Ликанды, Месопотамии. Поэма содержит ряд географических названий, вошедших в историю греко-арабских войн, — Аморий, Иконий, Ираклия, Тарс и т. д. Одни из них служат местом действия, другие приводятся в связи с воспоминаниями о старых походах — как арабов, так и греков. Очень трудно установить, какие из этих имен входили в первоначальную редакцию поэмы; особенно осложняется это значительными расхождениями в географических названиях между разными версиями¹⁰⁸. По-видимому, каждый редактор вносил сюда свои изменения. Так или иначе кругозор автора поэмы в основном ограничивался Малой Азией. Ссылки на Европу за единичными, вряд ли характерными, исключениями (например, более позднее упоминание об Ахайте в Т и А) отсутствуют. Не выходит поэма и за восточные границы Сирии и Месопотамии, если не считать эллинистической реминисценции о «землях брахманов», откуда Александр Македонский привел будто бы амазонок (ГФ VI, 386—387, Т 2769—2770, А 3357—3358).

* * *

Отмеченные свидетельства дают возможность подойти к проблеме хронологии византийского эпоса. Наиболее надежно определяют они время, послужившее для автора поэмы фоном, на котором разворачивается повествование.¹⁰⁹ В этой связи, разумеется, не следует принимать во внимание литературных реминисценций, относящихся к древнему миру и к раннему средневековью (например Хосрой — ГФ IV, 912, Т 3061); следует откинуть и более поздние напластования, явно противоречащие основным

¹⁰² См., напр., А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 126 сл., 137 сл., 142, 148.

¹⁰³ H. Grégoire. Notules. Byz., VIII, 1933, p. 572—574; idem. Etudes sur l'épopée byzantine. REG, 46, 1933, p. 65; idem. L'épopée byzantine..., p. 492; P. Kalonaros. Op. cit., т. I, сел. 47.

¹⁰⁴ Ср. P. Kalonaros. Op. cit., т. I, сел. 150; H. Grégoire. 'Ο Διγενής..., сел. 105—106.

¹⁰⁵ А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 142.

¹⁰⁶ Leonis Diaconi Caloensis Historiae... Bonnae, 1828, p. 35_б—г: Τρωγλοῦται τὸ ἔθνος τὸ πρόθεν κατωνομάζετο. Ср. S. Kyriakides. Указ. рец. S. 143; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 5.

¹⁰⁷ H. Grégoire. Notules, p. 569—570; ср. RE, 7. Bd., S. 2286.

¹⁰⁸ Ср., напр., А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 138, 140.

¹⁰⁹ S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 19—21.

историческим реминисценциям поэмы и важные лишь для датировки отдельных ее версий. Вряд ли следует принимать здесь во внимание и сомнительную гипотезу А. Грегуара о турмархе Диогене (788 г.)¹¹⁰. Мы видим, что события, прямо или косвенно отразившиеся в поэме, относятся к IX—X вв. Наиболее ранние из них — это, пожалуй, воспоминания о военных действиях Мутасима в 838 г.¹¹¹ Затем идут воспоминания о походах эмира Мелитины Омара, о Карвеасе и Хрисохире, отзвуки истории Андроника Дуки. Все это связано с предками Дигениса. История рождения героя содержит уже больше ассоциаций с 20—30-ми годами X в. Как видим, поэма соблюдает известное хронологическое соответствие¹¹², но оно весьма относительно, и попытки датировать жизнь героя, например 934—967 гг., как это представляется наиболее вероятным С. Кириакидису¹¹³, следует считать условными. Так, приведенная выше дата не согласуется ни с одним из Василиев, не сходится она и с посещением Дигениса Романом Лакапином. Отодвигая ее назад, мы получим несоответствие с Тарсом (965) и вообще с походами Никифора II, явно отразившимися в поэме¹¹⁴; передвигая же эту дату вперед, мы получим чересчур большой разрыв во времени с предками Дигениса. Ясно, что к такому памятнику, как «Дигенис Акрит», подобная датировка неприменима.

Указывают еще на одно свидетельство о времени после 30-х годов X в. Правда, здесь перед нами *argumentum ex silentio* — отсутствие упоминания о важном центре мусульман Мелитине, захваченной и разрушенной в 934 г. Куркуасом¹¹⁵. Так или иначе, действие поэмы в большей мере современно событиям 30—60-х годов X в. Не исключено, что действие захватывает и более поздний период, но судить об этом уже трудно. Во всяком случае период этот ограничен, по-видимому, 20-ми годами XI в. — правлением Василия II (в случае, если его имеет в виду ГФ) и взятием греками Эдессы в 1031, которому явно предшествует содержание поэмы. О событии этом, по всей вероятности, автор первоначальной версии поэмы не знал, так же как знал он, по-видимому, о взятии Мелитины. Не столь надежно и более расплывчатое свидетельство о Евфрате — здесь проходили византийско-арабские границы в 928—1071 гг. Конец этого периода вряд ли имеет отношение к интересующему нас времени; начало же его, как уже говорилось выше (стр. 110), не обязательно должно рассматриваться как *terminus post quem* для такого упоминания.

Итак, события, отразившиеся в поэме, сосредоточены в основном вокруг середины X в.; вместе же с историей предков нашего героя и с возможными отзвуками последующих лет конца X—начала XI в. исторический фон памятника охватывает около двух веков византийской истории — начиная от Феофила и кончая Василием II Болгаробойцей.

Мы не ставим себе задачей останавливаться на вопросе о генезисе «Дигениса Акрита» как эпического произведения — это выходит за рамки настоящей статьи. Как и большинству исследователей, нам представляется, что основным источником для поэмы послужили народные песни¹¹⁶,

¹¹⁰ Н. Grégoire. Le tombeau. . . , p. 498 sq.

¹¹¹ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 143.

¹¹² R. Goossens. Les recherches. . . , p. 450.

¹¹³ S. Kyriakides. Forschungsbericht. . . , S. 21; ср. А. Eberhardt. Op. cit., S. 53; С. Иоаннидис ("Επος μεταωνικών ἐκ τοῦ χειρογράφου Τραπεζούντος. . . Κωνσταντινούπολις, 1887, σελ. 18) предлагал 936—969 гг.

¹¹⁴ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 126—127.

¹¹⁵ Ср., например, R. Goossens. Op. cit. p. 450.

¹¹⁶ Тезис этот убедительно проводится в упомянутой монографии В. Д. Кузьминой, которая уделяет пристальное внимание характеристике фольклорных источников народного эпоса.

слагавшиеся на материале исторических событий: о существовании их могут в известной мере свидетельствовать песни «О сыне Армуриса», «О сыне Андроника» и т. д. Надо полагать, что в IX—X вв. в основном и был создан цикл песен, легших в основу «Дигениса Акрита»¹¹⁷; уже Г. Дестунис предполагал, что песни о Дигенисе предшествовали созданию поэмы¹¹⁸. Существовали, по-видимому, отдельные песни о похищении эмиром дочери византийского стратига и о его крещении, о подвигах Дигениса на охоте, о битвах его с апелатами и с Максимо, о похищении Дигенисом дочери стратига Дуки, о встрече Дигениса с императором: герой проявлял перед ним свою отвагу (как юный Василий перед Михаилом III), а может быть, и побеждал его в сражении; наконец, существовали, по-видимому, и песни о смерти Дигениса. Современные песни акритского цикла, группирующиеся в основном вокруг тем сватовства Дигениса и его смерти¹¹⁹, совершенно отличны по содержанию от соответствующих сцен «Дигениса Акрита» и вряд ли могут дать нам представление о тогдашних песнях, отделенных от них почти тысячелетием¹²⁰.

Перед составителем поэмы были и другие литературные и фольклорные источники (разбор их не входит сейчас в нашу задачу). Ему были, вероятно, известны какие-то произведения (может быть, также песенного характера), повествовавшие об эмире Мелитины Омаре, о вождах павликиан, об Андронике Дуке и т. д.; поэма сохранила здесь лишь отдельные отзвуки, не дающие возможности судить о характере этих текстов. Вместе с тем отдельные песни вошли не во все версии поэмы: таковы история рождения матери эмира (А, А₁, О) и рассказ об Анкиле (Т, А, А₁, О), возможно, отсутствовавшие в архетипе поэмы¹²¹; эпизод с Судалисом (Т, А, Э).

Когда же была создана первоначальная версия? Текст ее нам неизвестен; ее содержание, структура, язык вызывают самые различные догадки у исследователей. Поэтому датировка по необходимости весьма условна. Выше (стр. 110) мы говорили о ненадежности *terminus ante quem* Грегуара. Представляется весьма вероятным, что автору поэмы были известны не только походы Куркуаса, но и походы Никифора Фоки¹²². Таким образом, гипотеза о возникновении первоначальной редакции в первой половине X в.¹²³ представляется недоказанной. Разумеется, мы предполагаем при этом редакцию, соответствующую в основных своих эпизодах и реминисценциях содержанию известных нам версий, и не ставим здесь вопроса о каких-либо вполне возможных промежуточных стадиях между песнями и дошедшей до нас поэмой. С другой стороны, манера, в которой говорится в поэме об Эдессе, ясно показывает, что автор первоначальной редакции писал до взятия этого города византийцами (1031 г.)¹²⁴. Эти полвека

¹¹⁷ С. Импеллицери (Op. cit., p. 58—59) предполагает, что для «Дигениса Акрита», так же как и для гомеровского эпоса и «Песни о Роланде», понадобился трехвековой период, необходимый, по его мнению, для оформления эпоса из отдельных песен и сказаний. Таким образом, он относит начало соответствующего эпического творчества в Византии к VII—VIII вв., привлекая в этой связи упоминавшегося турмарха Диогена. Такой подход к византийскому эпосу представляется нам совершенно априорным и лишним каких-либо убедительных доказательств.

¹¹⁸ Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 65.

¹¹⁹ См. Ν. Πολίτης. Ἀκριτικά ἄσματα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ. Δ, I, 1910, σελ. 169 ἐξ.

¹²⁰ Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. XXVIII.

¹²¹ H. Grégoire. Notes..., p. 98 sq.

¹²² Ср. S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 22.

¹²³ Ср., например, P. Kalonaros. Op. cit., т. I, σελ. λδ' — λε'; S. Impe-lizzeri. Op. cit., p. 79 sq.; O. Schissel. Der byzantinische Garten, seine Darstellungen im gleichzeitigen Romane. SAWW, Bd. 221, Abh. 2, 1942, S. 9 и др.

¹²⁴ Этого не учитывает Дж. Маврогордато, предлагающий датировать первоначальную редакцию 1042—1054 гг. (Op. cit., p. LXXXIV; ср. нашу рецензию на его

(70-е годы X в. — 20-е годы XI в.) кажутся нам наиболее вероятным периодом, когда «Дигенис Акрит» получил такое оформление, о котором дают примерное представление ГФ, Т, А. Не исключено, что уже в эти годы появились различные варианты поэмы: так, вполне возможно, что вошедшее сюда из песен и хроник IX—X вв. имя Василия (I) было еще в X в. заменено именем более близкого по времени Романа I, а к последнему добавлен и Никифор II (о Василии II в то время нельзя было говорить *τηνικαὐτα* и *συνδάφας* — ГФ IV, 972, 974). Вряд ли в этой связи следует видеть *terminus ante quem* в сравнении Продромом Мануила Комнина с Акритом¹²⁵. Сравнение это свидетельствует лишь о популярности во второй половине XII в. образа Акрита; оно могло с одинаковой вероятностью основываться как на одних народных песнях, так и на поэме. существовавшей уже в нескольких вариантах. Ненадежны здесь и характерные для династии Комнинов женские имена поэмы (Анна, Ирина)¹²⁶ — у нас нет оснований утверждать, что ГФ, не дающая этих имен, отражает в данном отношении более старую редакцию памятника. Вообще, на наш взгляд, уже со второй половины X в. крайне трудно провести грань между действительными или предполагаемыми историческими реминисценциями, приписывая одни из них архетипу, а другие более поздним редакциям¹²⁷. С точки зрения предлагаемой датировки первоначальной редакции, все такие свидетельства, начиная со второй половины XI в., лучше рассматривать как результат более позднего редактирования. Следует еще раз подчеркнуть, что окончательное решение вопроса об оригинальном или более позднем характере ряда свидетельств X—XI вв. невозможно, пока отсутствует архетип поэмы. В связи с этим весьма затруднительным представляется установление генеалогического соответствия между известными версиями поэмы — отдельные попытки такого рода¹²⁸ нами уже рассматривались¹²⁹. В целом, как показывают сопоставления текстов отдельных версий (например ГФ I, 171 сл.; Э 32 сл.; А 362 сл.)¹³⁰, Т и А следуют в ряде случаев за ГФ и Э. Особенно характерны в этом отношении стихи ГФ VII, 85 сл., явно искаженные в Т 2816 сл. и А 4020 сл. (загадочные *Ἀλλελαγᾶ* и *Ὀλόπηγς*)¹³¹. Вместе с тем Т и А во многом следуют и независимой от ГФ редакции, оригинальный или более поздний характер которой

книгу — ВВ, XII, 1957, стр. 344). Недостаточно убедительна, на наш взгляд, и датировка Д. Хесселинга (*La plus ancienne redaction du poème épique sur Digénis Akritas*. MAWL. D. 63, sér. A, № 1, p. 2) — от 1025 г. до 1261—1282 гг. Чтобы принять его *terminus post quem*, надо (так же как и в случае с Маврогордато) доказать, что архетип поэмы имел в виду именно Василия II, а не Василия I и не Романа I. Доводить же *terminus ante quem* до Михаила VIII Палеолога, уничтожившего институт акритов, представляется совершенно излишним.

¹²⁵ S. Kyriakides. *Forschungsbericht*. . . , S. 22, 25; Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 127—128.

¹²⁶ А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 136—137.

¹²⁷ Мы упоминали уже об А. Хадзисе, настаивающем на создании «Дигениса Акрита» Евстафием Макремволитом. Исходя из этого, Хадзис безоговорочно относит написание поэмы ко второй половине XII в. (см., например, *Εὐσταθίου*. . . , сел. 256 и др.), вообще не проводя грани между реминисценциями IX—X и XI—XII вв. и не приводя каких-либо убедительных доказательств в защиту своей теории. Ср. А. Я. Сыркин. К истории. . . , стр. 208.

¹²⁸ Ср. Н. Grégoire. *Notes*. . . , p. 103; P. Kalonaros. *Op. cit.*, т. I. сел. λστ'; см. также: А. Χατζής. *Εἰς τὴν τοῦ Εὐσταθίου*. . . *Ἀκριτικὴν*, сел. 388.

¹²⁹ А. Я. Сыркин. К истории. . . , стр. 212, 215.

¹³⁰ S. Kyriakides. *Forschungsbericht*. . . , S. 3 ff; ср. *idem*. *Ἀκριτικά*. . . , p. 409 sq; Н. Grégoire. *Ὁ Διγενής*. . . , сел. 49, 87 εἰ.

¹³¹ А. Heisenberg. *Ein angeblicher byzantinischer Roman*. «*Silvae Monacenses*». München, 1926, S. 28 ff. Ряд ошибок Т и А, исправляемых с помощью ГФ, приводит Д. Хесселинг («*La plus ancienne redaction*. . . », p. 6 sq.).

не может быть пока с точностью установлен. Суждения об Э весьма затрудняются крайне плохим состоянием этой версии, которая, несмотря на свой фольклорный характер, не чужда и ученых реминисценций¹³². Доводы Д. Хесселинга, объясняющего народный язык Э более поздней обработкой¹³³, представляются нам заслуживающими внимания. Что же касается первоначальной редакции поэмы (понимание этого выражения см. выше, стр. 116), то в качестве литературной обработки народных песен она должна была, по нашему мнению, нести явные следы образованности автора¹³⁴, что, конечно, не исключает отдельных вульгаризмов, перешедших в нее из фольклора — ее основного источника. Именно к такому типу, как нам кажется, и стоит ближе всех ГФ¹³⁵.

Оценка эта, конечно, условна, ибо она основывается на отношении той или иной версии к неизвестному нам оригиналу. Мало что дает она и для датировки дошедших до нас редакций. Последняя задача, однако, представляется более легкой в сравнении с предыдущей. Здесь важны более поздние добавления редакторов, естественно, не связанные с близостью того или иного текста к оригиналу. Напластования эти, уже отмечавшиеся выше, свидетельствуют о примерно одновременном и сравнительно позднем появлении ГФ, Т, А. Свидетельства ГФ о дани Иконию и об обесценивании монеты говорят, по всей видимости, о возникновении этой редакции в XII—XIII вв.¹³⁶ Более позднего происхождения, по-видимому, Μαγούλοι и Ἀχαΐα, свидетельствующие о редактировании Т и А не раньше второй половины XIII в.¹³⁷ (мы не останавливаемся здесь на отражившихся в тех или иных версиях следах более раннего редактирования — при Дуках, Комнинах)¹³⁸.

Заслуживает внимания ряд дословных совпадений ГФ, Т и А с поэмой Мелитениота Εἰς τὴν σφραγίστην¹³⁹, созданной, по-видимому, в конце XIII — начале XIV в.¹⁴⁰ Порядок стихов у Мелитениота представляется более вероятным, и С. Кириакидис утверждает на этом основании, что именно текст Мелитениота явился прототипом для ГФ, Т и А¹⁴¹. Но, поскольку совершенно одинаковые заимствования разных редакторов мало вероятны, следует полагать, что общие с Мелитениотом места содержались уже в общем протипе ГФ, Т и А, а тогда выходит, будто этот прототип был создан не раньше XIV в. Последнее весьма сомнительно, и, как нам кажется, лучше допустить иные возможности; 1) прототип ГФ, Т и А влиял на Мелитениота, который передал соответствующие стихи лучше, чем

¹³² Cp. D. Hesselting. Le roman de Digénis Akritas d'après le manuscrit de Madrid. A. III, 1912, p. 564 sq; idem. La plus ancienne. . . , p. 15—16.

¹³³ D. Hesselting. Le roman. . . , p. 549 sq.

¹³⁴ Cp. D. Hesselting. La plus ancienne redaction. . . , p. 18 sq.; A. Heisenberg. Ein angeblicher byzantinischer Roman., S. 30 ff.

¹³⁵ Cp. A. Heisenberg. Ein angeblicher byzantinischer Roman. . . , S. 30; H. G. Régouire. Le problème de la version «originale» de l'épopée byzantine de Digénis Akrites. REB, VI, 1948, p. 33; P. Kalonaros. Op. cit., т. I, σελ. 194.

¹³⁶ S. Kyriakides. Forschungsbericht. . . , S. 6—7.

¹³⁷ Ibid., S. 5—6, idem. Ἀκριτικά. . . , p. 400 sq. Датировка этих версий XII в. А. Грегаром («Autour de Digénis Akritas. Les cantilènes et la date de la récénsion d'Andros-Trébizonde». Byz., VII, 1932, p. 299—301), основывающимся на произвольном сопоставлении Аарона-Андроника с Радомиром Аароном, мало убедительна (ср. А. Я. Сыркин. Об историчности. . . , стр. 134—135).

¹³⁸ Cp. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXVII.

¹³⁹ Ibid., p. 265—266.

¹⁴⁰ Cp. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 782 ff.; F. Dölger. Die Abfassungszeit des Gedichtes des Meliteniotes «Auf die Enthaltbarkeit». AIPHOS, II, 1934 (Mélanges Bidez), p. 315 sq.

¹⁴¹ S. Kyriakides. Forschungsbericht. . . , S. 7—8.

редакторы этих версий; 2) Мелитениот и прототип *ΓΦ, Τ, Α* могли использовать какой-то общий неизвестный нам источник.

Заметим также, что отсутствие этих совпадений в *Θ*, как нам кажется, отнюдь еще не говорит о более раннем характере ее редакции ¹⁴². Вообще с датировкой *Θ* дело обстоит сложнее. Упоминания о Никее, турках, султанах, по мнению С. Кириакидиса, также свидетельствует о XIII в. ¹⁴³, но свидетельства эти, как уже говорилось выше (стр. 112—113) не столь очевидны и вполне могли появиться в более раннее время.

Так или иначе, около второй половины XIII в. появляются новые редакционные обработки поэмы. Старые тексты были в известной мере осовременены. Это обстоятельство — наличие в тексте, восходящем в своей основе к X в., значительно более поздних напластований — весьма важно для правильной оценки тех сведений о византийской жизни, которые дает исследователю «Дигенис Акрит».

¹⁴² S. Kyriakides. Forschungsbericht. . . ., S. 8.

¹⁴³ S. Kyriakides. Ἀκριτικά. . . ., p. 428 sq.; i d e m. Σημειώματα, S. 358; i d e m. Forschungsbericht. . . ., S. 6.